

ЧАСТЬ II
ФРЕЙМЫ БАТЛЕР:
ПОВТОРЕНИЕ ПОВТОРЕНИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ
ТЕОРИИ?

*Возможно ли субверсивное повторение
в гендерной теории?*

Елена Стрижова

Когда речь идет о политическом, всегда возникает вопрос о субъекте, способном артикулировать требования множеств на уровне публичного. Феминистская теория, на мой взгляд, пытается найти такого субъекта в качестве отправной точки для собственной рефлексии. В результате в классической феминистской теории таким субъектом оказывается женская идентичность, обреченная проходить в своей борьбе за признание в публичном все экзистенциальные стадии гегелевской диалектики раба. Поэтому политическое в качестве утверждения (женской) субъективности в классической феминистской теории вынужденно повторять один и тот же жест – попадать в сеть желания Другого, имени Отца, который и заставляет предъявлять требование. Особенностью, на которую я хотела бы обратить внимание, является тот факт, что политическое требование в феминизме, будучи модусом желания, на мой взгляд, репрезентировано как требование любви, и в этом качестве – как механизм повторения.

Декартовский субъект не способен к повторению, опираясь только на сознательное Я и принцип *cogito ergo sum*. Когда возникает бессознательное,

оно, на мой взгляд, начинает работать против субъекта, ограничивая в правах и возможностях как раз тех, кого стремятся освободить. В результате лишенный центра феминистский субъект нехватки признания попадает в ситуацию бесконечного повторения требований любви.

Является ли это повторение субверсивным?

Для ответа на этот вопрос зададим вопрос об условиях самого акта повторения. На мой взгляд, в классической феминистской теории таким условием является условие желания, а значит – раскол в структуре субъективности, из которого возникают требование и речь. Добавим к этому и условие отчаяния: оно также указывает на расщепление субъекта между его символическим тождеством и тем, что он не есть.

Кьеркегор и его повторение. Любовь

Проблему повторения и требования в дискурсе любви первым, на мой взгляд, обозначил Кьеркегор, введя через модус отчаяния основополагающий разрыв в структуре Я, расколов его на конечное и бесконечное, человеческое и божественное, разум и экзистенцию. В то же время, по мнению Лакана, любовь как повторение разбивает все иллюзии любви,¹ указывая тем самым на проблему более фундаментальную – расщепление субъекта.

Кьеркегоровский субъект любви желает повторить в настоящем нечто, имевшее место в прошлом – например, пережитые любовные ощущения. Однако оказывается, что прошлое не переживается: мы не можем транспортировать опыт прошлого в настоящее и извлечь из него удовольствие. Повторение невозможно, подводит итог Кьеркегор устами Констанция.² В то же время именно это невозможное и является отправной точкой, по причине которой и возникает желание повторять. Другими словами, опыт обучает субъекта невозможности. Это и есть то Реальное, с которым он сталкивается в настоящем и которое кладет конец принципу удовольствия.

Поэтому «несчастнейшие» у Кьеркегора – натуры вспоминаящие, занятые скорбью по утраченному объекту (что вполне может соответствовать фрейдовой концепции траура). При этом пассивному воспоминанию противопоставляется счастье повторения, которое по мере своего функционирования обрастает теологическими категориями и разрешается в диалектике чуда, дара и провидения. Таким образом, Кьеркегор показывает, что любовь-воспоминание как тоска и трансцендентное страдание в отношении к любимому так и не дают до конца проявиться факту, что парадоксально удерживаемая любовь уже утеряна. «Внутренний раздор, в который ввергла его встреча с нею, уляжется только тогда, когда он действительно к ней вернется. Ведь пока девушка существует не сама по себе, а как отражение его шатаний и того, что их вызывает», – пишет Кьер-

кегор об отношениях возлюбленных и неизбежной ситуации расщепленности субъекта.³ Герой искал не любви, а утраты – и он ее получил.

Как же возможна встреча с возлюбленной в интерпретации Кьеркегора? Только в виде повторения как начинания вновь. И встреча действительно наступает, но неожиданным образом. Возлюбленная выходит замуж, а поэт вновь обретает себя как расколотого субъекта, утратившего возлюбленную.

Именно так рождается новый индивид, который получил себя через отброшенность в одиночество субъективности, но уже осознанно. Более того, он как будто обрел целостность: стал, например, поэтом, соединившись с Я-идеалом. В то же время вместо субъекта, вернувшегося к себе, Кьеркегор и в этой ситуации обнаруживает наличие зияющей травмы, которая не может быть восполнена. Для Кьеркегора позиция «обретения себя» двойственна. С одной стороны, это поиск целостности, в которую всегда метит движение нехватки, силясь артикулировать пустоту и разрыв; с другой, – навязчивый поиск «встречи» оборачивается радикальной «невозможностью совершить движения веры»: ведь встреча с абсолютом возможна только за границами мыслимого. Поэтому чем ближе Кьеркегор подходит к черте с Реальным, тем больше возрастает тревога, поскольку обрываются все связи с «этическим» (и прочими категориями). Вера и любовная встреча у Кьеркегора неартикулируемы и заставляют прибегать к непрямой коммуникации.

Тогда вслед за кьеркегоровским героем можно утверждать, что повторение невозможно. С другой стороны, именно невозможность повторения указывает на необходимость требования нового. Повторение в таком случае оказывается возможностью рождения заново. В этом контексте мы можем сказать, что у Кьеркегора нет речи о том, чтобы стать целостным субъектом, соединившись с абсолютом: речь идет о необходимости каждый раз прокладывать новый круг, говоря о своем несчастье и предъявляя новые требования.

Повторение у Фрейда и Лакана, или к вопросу о переозначивании

Вспомним фрейдовы принцип удовольствия и принцип реальности. Первый, на мой взгляд, связан с тенденцией к разрядке, с возвращением нервной системы в состояние стабильности удовольствия, второй – с задачей формирования Я, когда в целях самосохранения Я должно временно отказаться от немедленного получения удовольствия и испытать неудовольствие ради того, чтобы придти к нему окольным путем. Отсюда внутреннее расщепление в психическом аппарате субъекта – расщепление между требованием влечения и одновременно его недопущением. Влечения вытесняются, уходят внутрь, не находя разрешения, задерживаются и останавливаются в развитии. Прорыв их окольными путями удовольствия не приносит, меняясь, напротив, на неудовольствие: ведь, по словам

Фрейда, в «психической жизни людей действительно существует вынуждение повторения, которое выходит за пределы принципа наслаждения». ⁴ Это странное вынужденное повторение оказывается первичнее, элементарнее и спонтаннее, чем принцип удовольствия. Некий остаток постоянно будет заявлять о себе, смешивая удовольствие и неудовольствие. Принцип удовольствия в результате оказывается двойственным, являя себя как удовольствие и как неудовольствие, когда «неудовольствие одной системы является одновременно удовлетворением другой». ⁵ Таким образом, и Фрейд, и Кьеркегор показывают, что повторение не есть возвращение одной и той же потребности.

Отталкиваясь от проблем, поставленных Фрейдом, Лакан идет дальше, пытаясь демистифицировать «демоническую» составляющую акта повторения в структуре субъективности. Реальное у Лакана находится на границе с символическим; более того, оно и есть эта граница, и в этом смысле парадоксально. С одной стороны, оно предшествует символическому в качестве отправной точки, с другой, – структурируется им, попадая в его сети. Реальное – остаток символизации, не поддающийся записи или артикуляции, бесконечная отрицательность, которая в то же время не может быть подвергнута отрицанию. Этот пробел, скрывающий в себе радикальную невозможность репрезентации, мы можем обозначить неудачей, провалом символического по отношению к реальному.

Потому Лакан показывает двойственность повторения как *Wiederkehrt* и как *Wiederholen*. Первое представляет собой механическое навязчивое повторение, которое «ловит» субъекта в сети принципа удовольствия, обращая жизнь в сон. Второе можно обозначить как встречу с Реальным – ту, которая может не состояться, поскольку, по самой сути, она есть встреча несостоявшаяся. ⁶ Реальное как навязчивое повторение в рамках принципа удовольствия превосходит субъекта, давая ему то, что более ценно, чем то, на что субъект претендует. В результате нехватки механизм повторения оборачивается фантазматической жадной целостности, поиском единства с утраченным объектом. Но повторение функционирует не только в качестве нехватки, но и в качестве избытка, также обеспеченного нехваткой. В любом случае имеет место избегание Реального как того, чего невозможно добиться.

В этой схеме лакановская «встреча с Реальным» представляет собой хиазм сознательного отказа и бессознательного выбора. В противоположность картезианской схеме действующего сознательного субъекта двойственная структура повторения ставит под вопрос понятия намеренности и причины, выбивая субъекта из картезианской колеи: «двигателем, душой развития действительно является тот случай, тот камень преткновения, что мы зовем здесь *tuche*». ⁷ Этот разрыв, случай или сбой уничтожают речь, ставят под вопрос дискурс, субъект вновь и вновь должен производить новый текст. То, что субъект делает, не тождественно тому, что он/а получает; полученное не является результатом сознательного выбора.

Таким образом, повторение есть одновременно и невозможность, превосходящая субъекта, и возможность, способная разрушить старую, создав иную систему означающих. Джудит Батлер рассматривает повторение именно как акт переозначивания.

Между субъектом и субъекцией. И вопрос о гендерном повторении

На мой взгляд, у Батлер понятие субъекта двойственно: с одной стороны, это субъекция, подчинение власти («само устройство субъекта в определенном смысле находится под воздействием этой самой власти»),⁸ с другой, – полагание себя субъектом, имеющим самосознание и власть («субъекция означает процесс становления субординированным властью и в то же время процесс становления субъектом...»)⁹ Отсюда, на мой взгляд, мы можем утверждать, что понятие власти у Батлер двойственно: с одной стороны, это то, что предшествует субъекту, с другой, – это активность действия субъекта, воплощенная в его воле. Потому произведенный властью субъект оборачивается субъектом, основывающим власть. Если существует зазор между властью производящей субъекта, и властью, которая воспроизводится этим субъектом, то власть как условие не равна тому, чем субъект обладает. Власти, которая инициирует появление субъекта, не удастся сохранить непрерывную связь с той властью, которую субъект повторяет в своей субъективной свободе действия.

Гендерное повторение базируется на нехватке другого в качестве противоположного – мужского или женского. Мужчина и женщина передают друг другу общую нехватку, на чем и строится их символическая коммуникация. Женщина не дополняет мужчину, а становится воплощением его нехватки, объектом желания, поддерживая, таким образом, гетеросексуальный порядок желания и повторяя структурное единство для достижения своего собственного.

Но в Реальном эта игра различий не имеет места. Только на первый взгляд вместо патриархатной гетеросексуальности Батлер делает ставку на гомосексуальное желание как желание себе подобного – то есть объекта того же пола. «Когда запрет на гомосексуальность пронизывает всю культуру, тогда утрата гомосексуальной любви происходит под давлением запрета, повторенного и ритуализованного в культуре повсеместно. Следствием является культура гендерной меланхолии, где маскулинность и феминность возникают как следы не допущенной и не допускаемой к переживанию любви, и где маскулинность и феминность по необходимости закреплены в гетеросексуальной матрице совершаемыми с их стороны отказами», – пишет Батлер.¹⁰ Не допускаемая до переживания гомосексуальность означает отсутствие возможности любить и утрачивать, то есть меланхолическую гетеросексуальность. Отсюда легко сделать вывод, что любая гендерная субъективность меланхолична.

Однако мой вывод будет касаться не столько гетеросексуального, сколько гомосексуального порядка желания. Понятно, и это подтверждает Батлер, что гетеросексуальный порядок действует по принципу вынужденного повторения, в сети которого попадают фантазматические гетеросексуальные категории «мужского» и «женского» как театральные произведенные эффекты, которые постулируют основания «натуральности». Исключения из правил нормативной сексуальности означаются как провал повторения, то есть неудачная копия гетеросексуального идеала-оригинала любви, который есть основа всех копий, являясь копией ничто. Поскольку любой оригинал требует повторения для того, чтобы скрыть пустоту собственных оснований, без гомосексуальности как копии не будет гетеросексуальности как оригинала «натуральности». Понимание гендерной структуры как имитации, сущность которой состоит только в повторении, прикрывающем пустоту, позволяет Батлер переосмыслить не столько структуру гетеросексуальности, сколько структуру гомосексуальности: гомосексуальность переворачивает порядок имитации, у которого нет оригинала. Но пародийный и имитативный эффект гомосексуальной идентичности может работать, с другой стороны, не только на подтверждение гетеросексуальной идентичности, но и на разоблачение самой структуры гетеросексуальности как непрерывной, как бесконечного и панического самоповтора. Чем больше экспроприруется акт повторения, тем больше разоблачается оригинал как имитация и пародия.¹¹ Сама форма сексуальности в таком случае оборачивается комедией: ведь сексуальность как нехватка в Другом никогда не может закрепиться до конца в означающем. Она всегда превосходит перформанс, и, следовательно, нормативность. Пол, гендер, сексуальная практика – ничто из этих понятий полностью не выражает сексуальность. Потому необходимо заниматься гендером как местом работы повторения, а не требовать «различения» или же «единства» гендерных идентичностей. Акт работы сексуальности против гендера заключает в себе что-то, что не может полностью явить себя в перформансе, но зато способно сохраняться в своем разрушительном подрывном обещании. Не существует никакого внутреннего ядра, которое требовало бы своего выражения в гендере как культурной надписи – реальна лишь игра перформативности и скольжение в означающих. Психическое лежит не вне структуры, но в ней самой, в означающем, через которое тело является, представляется в структуре символического.

Поэтому психику следует переосмыслить как вынуждение повторения. По словам Батлер, «вынуждение повторения открывает психическое внутри цепочки означающих как нестабильность. Но это не внутреннее ядро, которое Я выражает через гендер. Психика суть изначальный провал повторения, провал, т. к. он побуждает повторение и таким образом останавливает возможность подрыва, подрывное повторение внутри вынужденной гетеросексуальности».¹²

Политическое повторение, или возможно ли исцеление от меланхолии?

Итак, меланхолия в текстах Батлер и есть психическая жизнь власти, основанная на меланхолическом повторении. Насилие в этом контексте понимается как амбивалентность любящего по отношению к объекту привязанности, а власть, производя субъекта, производит и тот меланхолический остаток, который скрывает от яркого света сознания как сферы публичного дискурса.

Отсюда батлеровская критика категории субъекта в общем и классического феминистского субъекта в частности. Батлер критикует классические феминистские политики субъективности как политики скорби, попытки говорить из места раскола – как и попытки публично оплакать утрату (собственной идентичности). Деятельность классического феминистского субъекта направлена, по мнению Батлер, на оппозицию и преодоление конструкций власти без понимания того очевидного факта, что они неразделимы с субъектной экзистенцией, являясь необходимой частью субъективности. В результате внутренние противоречия самой субъективности эксплицируются и экстерииорируются в политическое, а «теории феминисткой индивидуальности, которые разрабатывают предикаты цвета, сексуальности, этничности, класса и телесного здоровья, – по словам Батлер, – одинаково заканчиваются приводящим в замешательство *etc* в конце списка». ¹³ Не можем ли мы в таком случае сделать вывод о том, что всякая классическая феминистская попытка обрести единство посредством категории субъекта впадает в дурную бесконечность, в критикуемое Батлер *etc*? При этом структура нехватки подталкивает к новой попытке создания индивидуальности и ее целостности и одновременно выступает как препятствие по замыканию категории. Никакого субъекта не образуется, воспроизводится лишь распад на означающие *s1, s2, s3, s4 etc* и бесконечность требований.

В результате мы не можем выйти из меланхолии, но можем ей довериться. Мы можем повторить ее саму, подобно тому, как меланхолик воспроизводит в себе конфликт с утраченным объектом или уничтожает себя, чтобы сохранить любовь. В этом и заключается подрывной потенциал, когда происходит повторение той же самой структуры в качестве «диссонантного» и денатурализованного исполнения, каков, например, перформативный статус драга или лесбийского бутча, осуществляющих комическое повторение. Гендер используется в таких случаях как миметический и фантазматический. Если сексуальные меньшинства исключаются по принципу не преуспевших в повторении, в качестве «неудачных копий», они лишь повторяют один и тот же закон повторения, подтверждая факт, что любой гендер обречен на провал и что провал лежит в основе самого гендера. Неудача, провал в этом смысле конститутивны для гендерной субъективности, обеспечивая отправную точку механизма повторения.

Повторение при этом оказывается гиперболой, доводящей логику развития понятия гендерной субъективности до абсурда. В этом смысле основным жестом, указующим и разоблачающим гегемона, оказывается жест комического, а структура гендера – самопародийной, самокритичной, подверженной расщеплению и распаду. «Принятие власти не является прямолинейным процессом взятия власти в одном месте, переносе ее в целостности и сохранности и затем немедленного ее присвоения; акт апроприации власти может включать в себя измерение власти – такое, что власть принятая или присвоенная работает против власти, что сделала такое принятие возможным».¹⁴

Таким образом, в батлеровской гендерной концепции повторение обретает политическое значение. За видимым действием властной структуры повторения, которая функционирует посредством правил *automation*, всегда есть бессознательная встреча – Тихэ (случай, судьба), зазор, который задает эффект поломки в акте повторения. Требуемое повторение нормы производит раскол, пропасть между фантазматическим и реальным, смешивая их, поскольку реальное – это ничто, которое не может быть повторено. И поэтому (гендерный) идеал не может быть воплощен.

Как в таком случае понимается политическое действие? Оно, на мой взгляд, возможно лишь в пределах структуры вариации на тему повторения, которое в своей двойственности одновременно выступает и как запрет, и как открытие возможности для собственного переозначивания. Поэтому если нет ничего, кроме повторения, то, возможно, надо довериться ему и заставить работать на себя. «Задача будет состоять в том, чтобы принимать во внимание [...] нарушение не как перманентное сопротивление социальным нормам, обреченным на пафос вечного провала, но скорее как критический ресурс в борьбе за реартикуляцию самих понятий символической легитимности и интеллигибельности».¹⁵ Зазор повторения, то есть зазор между реальным и символическим указывает на возможность выхода из традиционного диалектического тупика, а значит, на возможность пере-означивания как пере-материализации. Через повторение «сила регуляции, – по словам Батлер, – может быть обращена против самой себя, чтобы порождать реартикуляции, которые ставят под вопрос гегемонную силу самого регуляционного закона».¹⁶ Повторение нормы теми, кто из нее исключен, может привести к трансформации категорий и к материализации того, что не могло быть повторено раньше. В результате за счет внутренних противоречий сам дискурс сможет трансформироваться. И именно повторение, вызвавшее изменение дискурса, сможет – тем самым – стать генератором формирования гендерных идентичностей.

---

1 Жак Лакан, *Семинар XI* (М.: Гнозис, Логос, 2004), с.69.

- 2 С. Кьеркегор, «Повторение», *Несчастнейший* (М.: Библейско-Богословский институт св. Ап. Андрея, 2007), с.68.
- 3 Там же, с.73.
- 4 Зигмунд Фрейд, «По ту сторону принципа удовольствия», *«Я» и «Оно»*. (Спб.: Азбука-Классика, 2007), с.30.
- 5 Там же, с. 26.
- 6 См. Жак Лакан, *Семинар XI*, с.62.
- 7 Там же, с.71.
- 8 Джудит Батлер, *Психика власти* (Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002), с. 15.
- 9 Там же, с.16.
- 10 Там же, с. 117.
- 11 Judith Butler, “Imitation and Gender insubordination”, *The Second Wave* (New York & London: Routledge, 1997), p. 307.
- 12 Ibid, p.312.
- 13 Judith Butler, *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity* (New York: Routledge, 1990), p. 143.
- 14 Джудит Батлер, *Психика власти*, с. 24.
- 15 Judith Butler, *Bodies that matter, on the discursive limits of “sex”* (New York & London: Routledge, 1990), p. 3.
- 16 Ibid, p.109.